

Вера и творчество нераздельны и неслиянны

Летом этого года председатель Издательского совета Русской Православной Церкви митрополит Калужский и Боровский Климент вручил орден равноапостольной княгини Ольги II степени известному поэту и прозаику, профессору Литературного института **Олесе Николаевой** за вклад в духовно-нравственное просвещение и в связи с юбилеем.

Олеся Александровна написала в соавторстве со своим супругом — протоиереем Владимиром Вигилянским новый роман «Дело Гапона», журнальный вариант его первой части опубликован в январском номере «Дружбы народов» за 2025 год. Это довольно объемное произведение (800 страниц), основанное на исторических событиях, которое начинается с того, что находят тело убитого человека. Им оказывается священник Георгий Гапон.

— Почему вы взялись за эту тему?

— Идея написать о Георгии Гапоне принадлежала моему мужу, протоиерею Владимиру Вигилянскому, писателю и литературному критику. Поначалу он предлагал нам вместе

написать сценарий, а идея романа появилась после того, как он был написан. Почему роман, а не сценарий? Потому что мы совсем не ориентируемся в мире кинематографа: куда и кому предлагать? И потом, известны случаи, когда сценарии, как бы это выразиться покорректнее, уводили из-под носа у авторов, тем паче неискушенных в этом виде киноискусства, и в чуть измененном виде сценарии вдруг появлялись под другими фамилиями. Во избежание подобных неприятностей мы и решили, что сначала опубликуем роман.

Честно говоря, на эту работу муж побуждал меня несколько лет: я категорически не хотела влезать в такой многофигурный мир и многостраничный текст. У меня уже был опыт написания большого романа «Меценат» (900 страниц), в котором я увязла лет на семь, так трудно мне давалась композиция этого объемного и трудоемкого сочинения. И когда я его закончила, то вздохнула с облегчением и пообещала себе никогда более не писать таких длинных вещей.

Однако муж все-таки уговорил меня, предложив прочитать множество исторических книг, статей и мемуаров, и в результате я сдалась. Готовились мы долго, но «поехали» быстро, даже помчались: и сценарий (12 серий), и роман были завершены за девять месяцев. Мы и сами удивились. С этим историческим материалом даже было жалко расставаться, и мы вослед написали еще и небольшую документальную книжку — эссе «Анатомия русской смуты». Книга эта выйдет вместе с романом.

— *Чем вас с отцом Владимиром заинтересовала личность Гапона?*

— Георгий Гапон был нам интересен прежде всего как историческая личность, которую надо рассматривать в контексте умонастроений и событий той эпохи. Нас по-писательски увлекло исследование его характера и трансформации его личности. Он начинал как добросовестный священник, харизматичный проповедник, бессребреник, радатель об улучшении жизни рабочих, чем сыскал их любовь и преданность. Однако популярность в народе привлекла к нему внимание своекорыстных людей — эсеров, от лица которых выступал Петр Моисеевич Рутенберг; он вошел в доверие и использовал Гапона втемную, приписав к его прошению царю, где были лишь экономические притязания, несколько пунктов, содержавших требования, заведомо невыполнимые, политические (прекращение Русско-японской войны, принятие Конституции и т. д.), чем и спровоцировал столкновение правительственного войска и демонстрантов 9 января. Георгий Гапон в некотором роде оказался жертвой этой провокации, после которой вынужден был скрываться и бежать на Запад, где его подхватили на свои знамена революционеры самых разных партий, ведь ни одна из них не могла бы в те годы собрать для шествия такое количество простого люда. Далее пошла игра на тщеславии Гапона и его желании властвовать, стать вождем. Лесть, деньги, любовные похождения, образ жизни, не подобающий священнику, даже бывшему (в январе 1905 года он был запрещен Святейшим Синодом в священнослужении). И в конце концов он скатился до предательства, когда пытался привести к вице-начальнику Департамента полиции Рачковскому эсера Рутенберга, уговаривая его сдать полиции боевую организацию эсеров, за что и был зверски убит.

Интересовала нас, конечно, и та эпоха, интересная, омрачающая сердца и умы и подготавливающая почву для крушения великой православной Российской империи.

— *Как вы работали над книгой? Какие архивы были в вашем распоряжении, какие документы помогли вам в работе?*

— Если я начну перечислять те книги и исторические материалы, которые мы изучили, то места для интервью просто не останется. Мы

Олеся Николаева — поэт, прозаик, эссеист, профессор Литературного института им. Горького. Родилась в Москве в 1955 г. в семье писателя-фронтовика Александра Николаева. В 1979 г. окончила Литературный институт. Автор более шестидесяти книг поэзии и прозы. Лауреат многих литературных премий, среди которых Национальная премия «Поэт» (2006), Патриаршая литературная премия (2012), Национальная литературная премия «Слово» (2024) и др. Награждена орденом святой равноапостольной княгини Ольги I степени за актуальную просветительскую деятельность (2010) и орденом святой равноапостольной княгини Ольги II степени во внимание к вкладу в духовно-нравственное просвещение и в связи с юбилеем (2025).

пользовались также статьями в английской и французской прессе, освещавшими события 9 января 1905 года. А кроме того, нас консультировали четыре профессиональных историка, которые специализировались именно на этом времени. Действие романа начинается с нахождения тела Гапона и открытия следственного дела, то есть 30 апреля 1906 года, а заканчивается закрытием этого дела и концертом в Дворянском собрании Петербурга 20 декабря 1907 года. Но, конечно, есть и ретроспективные главы, без которых исторический контекст был бы непонятен.

— *Отец Владимир в интервью говорит, что никакой первой русской революции 1905–1907 годов не было, что по сути это была гражданская война, во многом спровоцированная и финансируемая из-за границы. Кровавое воскресенье — это настоящий заговор,*

*С митрополитом
Калужским
и Боровским
Климентом
и супругом
протоиереем
Владимиром
Вигилянским
(слева)*

Олеся Николаева со своими студентами из Литературного института (слева)

Фото из семейного архива Вигилянских (справа)

заранее спланированная схема, обдуманная за пределами России. Российская империя столкнулась тогда с небывалой до того времени консолидированной и тщательно подготовленной в Европе и США информационной войной. Все это очень похоже на сегодняшнюю ситуацию.

— К сожалению, есть определенное сходство. Во-первых, во время шествия к Зимнему дворцу 9 января 1905 года шла война с Японией. Деньги на террористические акты (оружие, взрывчатку, содержание революционеров как в России, так и в Европе), на забастовки и «народные волнения», на типографии, на организацию побегов осужденных террористов с каторги и поселений (фальшивые паспорта, переезд) давала как японская, так и английская разведка. Туда втекали финансы и из США, и из Италии, и из Германии, словом, Россия была обречена на внутренние бури, которые порой инициировались и финансировались извне. Да еще то ли по глупости, то ли по веянию моды русские купцы щедро распахивали для террористов свои кошельки. Это и Савва Морозов, которого убили в 1905 году, когда он впервые отказался субсидировать большевиков, и его родственник, владелец московской мебельной фабрики двадцатитрехлетний Николай Шмит, хранивший оружие для московского декабрьского восстания и участвовавший в нем, за что

и угодил в тюрьму, а потом, когда отказался написать завещание в пользу большевиков, «зарезался» в камере.

— **Будет ли экранизация этой книги?**

— Очень на это надеюсь, потому что, пока мы писали роман, словно видели происходившее, слышали диалоги наших персонажей. Он легко визуализируется, да это и немудрено, ведь все начиналось со сценария.

— **Митрополит Симферопольский и Крымский Тихон назвал вас когда-то «первопроходцем русской православной прозы». В 1990 году вышел ваш первый прозаический сборник «Ключи от мира», в котором уже присутствует тема веры. Как вы приступили к этой теме?**

— Первый роман «Инвалид детства» я написала, простите, как бы «по велению свыше». Просто почувствовала, что ДОЛЖНА его написать. И это долженствование меня саму очень поразило, тем более что прозу я до этого никогда не писала. А тут — роман. Но я поняла, что если не напишу его, то вообще ничего больше никогда не смогу написать. Поэтому засела за работу, писала день и ночь, и через сорок суток роман был уже не только готов, но и распечатан на машинке в четырех экземплярах, один из которых я отнесла в журнал «Юность», тираж которого был в то время три миллиона экземпляров, и роман был опубликован. А потом

выходил отдельной книгой в нескольких издательствах, в том числе в парижском Gallimard.

— *Что такое православная проза? Что ее определяет?*

— Первое — это отношение к человеку. Человек — не функция сюжета, а космос. Отсюда глубокий психологизм русской прозы, создание персонажей, новых характеров, многие из которых становятся именами нарицательными, и мы к ним относимся как к живым людям, а иные дают название целому явлению (смердяковщина, карамазовщина, передоновщина).

Второе — отношение к слову. За словом стоит реальность, и само художественное слово ее преобразует и осмысляет.

Третье — отношение ко греху. Грех в классической русской литературе не эстетизируется, а нераскаянный грешник несет в себе провиденциальное наказание (*Мне отмщение, Аз воздам.* — 1 Рим. 12, 19). Он либо погибает, либо кончает с собой, либо сходит с ума.

И четвертое — отношение к Промыслу Божию, который не только ведет человека, порой вмешиваясь в его жизнь, но влияет и на литературный сюжет. Иногда это происходит самым удивительным образом для автора художественного произведения. Вспомним, как Пушкин писал Вяземскому о том, какой не-

ожиданный для него самого поворот совершила Татьяна: «Подумай, что “удрала” моя Татьяна: она вышла замуж!»

— *Православие и творчество — как они взаимодействуют?*

— Если Православие не есть нечто внешнее по отношению к жизни писателя, а есть сама живая лимфа этой жизни, то и написанное будет православным по духу, даже если в том или ином произведении не упоминаются храм, молитва, священник. Например, «Капитанская дочка», где нет никаких «атрибутов» церковности, тем не менее именно православный роман, образцовый!

— *Иногда, когда говорят «православный писатель», кажется, что таким образом хотят поднять не очень сильного автора.*

— А я скажу так: все талантливые и значительные русские писатели — православные. Талант — это дар Божий. И тут действуют слова Христа: *Кому много дается, с того много и спросится, а кому мало дается, у того отнимается и то, что имеет* (ср. Мф. 13, 12). Изначально талантливый писатель, если он безбожник или богохульник, попирает и расточает свой дар и сам превращается в бездарность. Оскудение таланта — какой жизненной драмой это порой оборачивается!

Олеся Николаева
на вручении
ордена святой
равноапостольной
княгини Ольги
II степени
в Издательском
совете Русской
Православной
Церкви. 24 июня
2025 г.

— *Вообще, вера для поэта — ограничитель или вдохновитель?*

— Безусловно, вдохновитель. Вера есть обличение вещей невидимых и осуществление ожидаемого, по слову апостола Павла (см. Евр. 11, 1). Но это есть и определение творчества. В этом вера и творчество нераздельны и неслиянны.

— *Далеко не все сейчас готовы вслух говорить о своей вере: эта тема считается слишком интимной. Современный человек говорит о Христе, не называя Его имени. Это относится и к литераторам. У каждого человека, конечно же, своя мера открытости. Но разве вера может быть интимной темой? Апостолы не считали этот вопрос таковым. Если тебя, христианина, спрашивают о вере, это ли не возможность свидетельства? Тем более если ты человек публичный, да еще и поэт, к тебе особо прислушиваются. Или за такими отговорками стоит боязнь открыть свой не такой уж богатый внутренний мир?*

— Я не думаю, что кто-то из верующих людей боится говорить о Христе. Скорее, может быть, опасается сказать как-то не так, недостойно, профанировать Благою Весть... Или, возможно, человек делает это своей сокровенной темой, той драгоценной жемчужиной, которую не каждому покажешь. Но я считаю, что, если спрашивают тебя о твоей вере, то нельзя молчать. Как сказал апостол Павел, надо дать отчет о своем уповании (1 Пет. 3, 15).

— *В одной из рецензий говорится, что представления об эстетической убедительности Православия и церковной жизни определили ваш стиль. Как бы вы сформулировали эстетическую убедительность нашей веры?*

— Я крещена в честь святой равноапостольной княгини Ольги. И, как известно из ее жития, она пришла к вере через красоту. Вот и я тоже. Для меня нет ничего на свете прекраснее Христа и его Церкви. Ведь Красота — это одно из имен Божиих.

— *В интервью с поэтом Юрием Кублановским на мой вопрос о том, что русская культура в Европе сегодня оказалась под санкциями, он ответил: сначала уходит вера в Бога, за ней — культура, а следом — политическое здравомыслие. Вы согласны с такой последовательностью?*

— Полностью согласна с Юрием Михайловичем. Мы с ним давние друзья и единомышленники.

— *Сегодня речь идет о появлении новой па-
ракультуры, которая чужда как Церкви, так и традиционной культуре, и она захватывает все новые и новые слои нашего общества. Как этому противостоять?*

— Противостоять этому можно только собственной жизнью и творчеством.

— *Много лет вы преподаете в Литературном институте. Кто они, сегодняшние студенты?*

— Прошлым летом я набрала новый семинар. Это в основном юные люди, семнадцати лет, но, видимо, сознание, что идет война, сделало их более взрослыми и внимательными. Пока что меня в них радует душевная чистота, отзывчивость, деятельное желание стать настоящими писателями.

— *А как в их первых литературных опытах отражается вопрос веры?*

— У меня в семинаре есть студент, который прислуживает в храме и которого уже благословили на подрясник. Ходит ко мне и студент отделения критики, сын священника. Конечно, вопросы веры так или иначе появляются как в стихах, так и на их обсуждениях.

— *Есть ли у вас опасения по поводу наступления искусственного интеллекта в том числе и на литературную сферу?*

— Конечно, огромные опасения! Я вообще считаю, что апокалиптическое число 666 — это именно знак цивилизации цифровых технологий, которая уже наступила.

— *Не могу не спросить про ваши творческие планы.*

— После романа я написала цикл стихов, который и собираюсь продолжать, превратив его в новую книгу. Кроме того, подступаю с трепетом к новому роману (надеюсь, не такому большому) о первых послереволюционных годах. У меня уже есть название, но я пока его утаю. Иногда бывает так: задумываешь одно, а из-под пера выходит нечто иное. Есть в творчестве какая-то сила, которая порой вмешивается и настойчиво ведет туда, куда не знаешь. Однако, поверьте, это самое интересное и есть!

Беседовала Елена АЛЕКСЕЕВА